

Русская литература. - Париж. - 1996.

Борис Поплавский: направление дирижабля

14 нояб. - с. 13

Прячущиеся в редких эмигрантских изданиях, не всегда различимые в российской периодике последних лет, сочинения Бориса Поплавского начинают наконец свое существование в виде доступных и представительных изданий.

Принципиальной вехой на этом пути стал том, вышедший в 1993 г. (издательства "Logos" и "Голубой всадник"), в который вошли романы "Аполлон Безобразов" и "Домой с небес". Даже трехтомное собрание стихов Поплавского (Беркли, 1980—1982), при всем благородстве самого начинания, к сожалению, не было сколько-нибудь научным изданием.

"Неизданное" Б.Поплавского, без сомнения, придется весьма кстати всем любящим его творчество. Единственное, в чем можно, пожалуй, упрекнуть составителей, — это в неточности названия книги. И то в этом упреке больше дести, чем настоящих претензий. В пятисотстраничный том вошли не только неизданные вещи. Здесь собрана художественная и литературная критика, значительная часть которой увидела свет в "Числах"; немало здесь и текстов, предварительно "обкатанных" специальными публикациями, известными лишь посвященным.

Есть, однако, что-то настораживающее, заставляющее человека здравомыслящего все более и более полагаться на собственный читательский вкус, в той горячности, с которой неожиданно возникший легион специалистов по литературе русской эмиграции стремится уверить нас в ее стопроцентной "нетленности". И дело тут даже не в самом наследии, а "в состоящих при нем". За их религиозной преданностью материалу часто мерещится стремление застолбить свой участок на новом научном Клондайке, обещающем научную карьеру, или же отсутствие собственного "я", желание (в той степени, в которой наука такой же способ понять себя или, наоборот, спрятаться от действительности, как и все остальные виды человеческой деятельности) растворить его в новом увлечении, чтобы, не дай Бог, не столкнуться носом с самим собой.

Александр Богословский и Елена (Элен) Менегальдо к их числу не относятся. Начавший изучать Поплавского задолго до всякой перестройки, А.Богословский был долго искушаем в любви к его творчеству полным непо-

ниманием со стороны литературоведческого офиса и преследованиями карательных органов.

Преданность художественному миру Поплавского, присущая Е.Менегальдо, тоже весьма необычна. Зачем было молодой француженке тратить в свое время силы на написание диссертации о каком-то русском типе, умершем молодым при весьма подозрительных обстоятельствах и издавшем за свою жизнь одну единственную книжку стихов? Но, по-видимому, зачем-то понадобилось.

Итак, книга сделана. Что она может дать для более глубокого прочтения Поплавского? Наиболее ценным в ней, на наш взгляд, является раздел "Неизданные страницы из дневников". Как известно, ведение дневника само по себе не является ни этическим, ни эстетическим показателем. Толстой испытывал сильнейшую потребность в делании ежедневных записей; Достоевский к этому занятию был совершенно равнодушен.

У Поплавского дневник выполняет очень определенную функцию: литературные замечания здесь сравнительно немногочисленны по сравнению с местом, отводимым под религиозные размышления. Поплавский был дитя своей эпохи с присущей ей одержимостью религиозным, но одновременно он был очень талантливым художником, который понимал роль и задачи литературы в новое время, где она существует, уже определив свои границы с богословием и моралью. Точнее: шел к такому пониманию.

Эта двойственность, признак художественного становления хорошо видна при сопоставлении "Аполлона Безобразова" и "Домой с небес". Во втором романе "художественность" оказывается побежденной "дневниковостью", чудесная многозначность образов первой части трилогии превращается в несколько инфан-

Борис Поплавский.

тное повествование о "жизни эмигрантской молодежи".

С одной стороны, стремление высказаться, понять себя, формулируя переживаемое в терминах, составляющих некий внутренний язык, в котором так мало собственно литературы, что-нибудь вроде: "Гигантским прыжком, в грохоте словновых подошв, закончил трудовой день в сторону кота, энигматическая астральная жизнь которого интригует мои доуги" (Запись от 24.9.1934). С другой стороны — изящество, сила, афористичность, особенно в прозе.

Не будем даже заглядывать в "Аполлона", а отыщем цитату в критическом разделе "Неизданного". Например, в рецензии "Новое издание Тургенева": "Кажется нам, что люди, всю жизнь читающие только одного писателя (наподобие Стендаля-лиансов), есть высококультурное явление, редкое, в общем, среди русского читателя, легко сбиваемого с толку критическими модами и вообще слишком живущим литературной злободневностью". Или кристально чистое определение творчества самого русского классика: "Тургенев, это изумительно гармоническое явление, сумел соединить культ «чистого искусства» с душой русского XIX века. Острейшая жалость к человеку, столь резко разошедшаяся впоследствии с «чистым искусством», никогда уже не соединявшаяся с ним, есть «потерянная райская жизнь русского гуманизма», и столь многие сейчас вдохновляются ею".

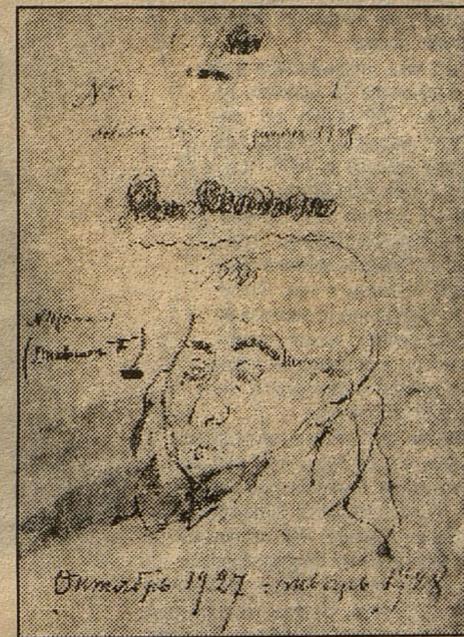
Лучший Поплавский — прозаик и эссеист; видение в нем прежде всего поэта — инерция мнения его современников, которые не всегда бывают правы, а уж в случае с прижизненным пониманием Поплавского (как выяснилось буквально на следующий день после его смерти) и подавно.

"Аполлон Безобразов" — вот вершина его

творчества. Ностальгическая риторика старшего поколения должна была смениться цедимым в муке: "Хорошо, что нет Царя. Хорошо, что нет России. Хорошо, что Бога нет..." поколения среднего, чтобы за ней, в свою очередь, последовал "Аполлон". Здесь нет жалоб ни на большевиков, ни на судьбу вообще, а есть смиренное признание ничейности — нормой. Смирением, как известно, многое обретается. В этом романе восхищает открытость и открыленность автора, героя, языка.

Судьба Поплавского потому и интригует, что его жизнь, поделенная ровно на двое между Россией и Францией, ранняя смерть (в тридцать два года) поставили в истории русской эмигрантской литературы самое загадочное многообразие.

Перешел бы он на французский, как это сделал Набоков с английским? Ушел бы из ли-

Страница из дневника Б.Поплавского.

тературы вообще, устав от ночных размышлений о грядущей плате за квартиру и дневных — о признании далеких потомков? Продолжал бы писать как писал?

В любом случае, "направление", его "дирижабля" угадывается все яснее: через поэзию, отягощенную псевдозотеризмом и модернистскими клише, к великолепной прозе.

АНДРЕЙ ЛЕБЕДЕВ

Париж